

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

ГЕНЕРАЛ
НА БЕЛОМ
КОНЕ

Валентин Пикуль

Генерал на белом коне (сборник)

«ВЕЧЕ»

1954-1990

Пикуль В. С.

Генерал на белом коне (сборник) / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,
1954-1990

ISBN 978-5-4444-7029-9

Исторические миниатюры Валентина Пикуля – уникальное явление в современной отечественной литературе, ярко демонстрирующее непревзойденный талант писателя. Каждая из миниатюр, по словам автора, «тоже исторический роман, только спрессованный до малого количества». Миниатюры, включенные в настоящее издание, представляют собой галерею портретов бесстрашных защитников Отечества и других исторических личностей XVIII – начала XX века.

ISBN 978-5-4444-7029-9

© Пикуль В. С., 1954-1990

© ВЕЧЕ, 1954-1990

Содержание

«Железная башка» после Полтавы	6
Дуб Морица Саксонского	13
Солдат Василий Михайлов	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валентин Пикуль

Генерал на белом коне

© Пикуль В.С., наследники, 2011

© ООО «Издательство «Вече», 2011

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

«Железная башка» после Полтавы

Король был прост. Сначала имел сервиз из серебра, потом цинковый, а под Полтавой ел из жестяной миски. Академик Е.В. Тарле пишет: «Он был очень вынослив физически, молчаливо выносил долгое отсутствие привычной пищи и даже свежей, не пахнувшей болотом воды. Его воздержанность, суровый, спартанский образ жизни, недоступность соблазнам – все это внушало к нему уважение». Карл XII питался хлебом с маслом, поджаренное на сковородке сало было для него уже лакомством. Когда он мерзнул, в палатку к нему приносили раскаленные ядра. Вина не употреблял (после того, как в молодости однажды напился и наболтал глупостей). Женщин король сторонился. «Любовь испортит любого героя», – утверждал он. Годами не менял одежды, в которой и спал, и сражался, редко снимал ботфорты и забывал мыть потные ноги.

У нас хорошо знают, что было до Полтавы и что было под Полтавой, но, кажется, не всем известно, что было после Полтавы... Накануне битвы король ввязался в дурацкую перестрелку с казаками и был ранен: пуля вонзилась в пятку и, пройдя через ступню, застряла между пальцев. Король сказал:

– Не в голову же! Вырежем пулю на славу...

Пока хирург извлекал пулю, слуга Гультман читал его величеству XV песнь из «Саги о Фригтофе»: «Рана – прибыль твоя: на челе, на груди то прямая украса мужам; ты чрез сутки, не прежде, ее повяжи...» Карл видел, как шведские флаги не раз уже были сброшены с валов Полтавы жителями города.

– Уж не сошли ли русские с ума, осмеливаясь сопротивляться лично мне и атакам моих непобедимых драбантов?

Рёншильда спрашивали, ради чего шведская армия торчит под этим городишком, фельд-маршал отвечал с раздражением:

– Королю скучно – Полтава для него развлечение...

А гетман Мазепа мрачно увещевал запорожцев:

– Потерпите, панове! Что там шведы? Скоро и татары из Крыма явятся. Тогда мы так Москвою тряхнем, что из нее все деньги сразу посыпятся, только успевай подставлять шапки...

В близости татар не сомневались: в лагере Карла XII явились от хана Девлет-Гирея миндаль, изюм, виноградное вино, пастила. Полтавское сражение открылось 8 июля 1709 года; битва исторического значения не была долгой – в два часа все было уже решено. Русское ядро разбило паланкин, в котором лежал король, а носильщиков изранило. Карла XII вбросили в седло убитого драгуна, настегнули под ним лошадь. Он кричал:

– Только не плен! Лучше подохнуть в Турции...

Вровень с ним скакал ясновельможный гетман Мазепа – изможденный старик в богатом жупане. Стаи птиц с криком пролетали над всадниками. Их нагнал храбрый генерал Спарре, которого Карл XII прочил в московские губернаторы.

– Русский царь не пойдет на мир, пока мы не выдадим ему этого плута! – И плетью он указал на гетмана.

Мазепа, пригнувшись, вонзил длинные испанские шпоры в бока лошади. Пять суток подряд мчались в безлюдном шатании трав и ковылей, устилая разбитый шлях трупами, людскими и конскими. На берегах Буга с трудом нашли одну лишь лодку, в которую внесли Карла XII, на шаткое днище попрыгали самые проворные, в том числе и гетман. Шведов настигла русская кавалерия, король издали видел, как русские вяжут его отважных драбантов. Дырявая лодка тонула, и король безжалостно повыбрасывал за борт бочонки с золотом, принадлежавшие Мазепе.

Беглецы остановились в Вендорах, где для короля был раскинут шатер. Петр I настойчиво требовал от Турции выдачи ему изменника Мазепы, и на ясновельможного, погруженного в ужас расплаты, вдруг напали вши! Мазепа выл и скребся, отряхивал вшей горстями, но они возникали вновь с такой непостижимой быстротой, будто организм старца сам порождал эту нечисть. Согласно легендам, Мазепа был буквально заеден вшами, отчего и умер, а Карл XII сказал:

– Достойная смерть великого человека! Вши заели и римского диктатора Суллу, они загрызли иудейского царя Ирода, а испанского короля Филиппа Второго вши не покинули даже в гробу.

Мазепу увезли в румынский Галац, там и закопали. Но янычары в поисках золота отрыли труп гетмана, обобрали с него одежды и швырнули в Дунай. Далее, по словам шведского историка, началось «фантастическое приключение в духе средневековых рыцарских романов». Главным героем романа стал Карл XII, которого за упрямство турки прозвали «железной башкой».

В год Полтавы королю было всего 27 лет.

По мусульманским понятиям, гостя в своем доме обидеть нельзя, а Карл XII остался в турецких владениях на правах гостя. Но даже историки, восхвалявшие короля, невольно оказывались в тупике беспочвенных догадок, не в силах толково объяснить, почему Карл XII «загостился» в Бендерах на пять долгих лет в то самое время, когда Швеция вымирала от бескормицы и жестоких налогов, а Петр I штурмовал Выборг и Кексгольм, вступил в Ревель, отвоевывал у шведов Финляндию, спешно отстраивал Петербург, утверждая господство русского флота на берегах Балтики. До нас дошла надменная фраза Карла XII: «Пусть он строит. Я вернусь – все разрушу...»

«Железная башка» после Полтавы не потерял даже малой толики самоуверенности и держался с видом победителя, завоевав особую любовь турецких головорезов. Раскинув лагерь неподалеку от Бендер, король выбрал неудачное место, затопляемое водами Днестра, на что и указали ему янычары. Но Карл XII не перенес лагерь на возвышенность, и весной, когда все спасались от половодья, он остался в своем шатре, стоя по колено в бурлящей воде. Этим он вызвал восхищение янычар.

Вот железная башка! Ну какая упрямая башка!

Объяснять долгое пребывание Карла XII в Бендерах ущемленным самолюбием или патологическим упрямством никак нельзя. На путях в Валгаллу он не выронил меча из длани и, неплохо разбираясь в политике Европы, отлично понимал, что военная коалиция Швеции, Польши и Турции с Крымом вместе – это не выдумка, а трезвая реальность, не учитывать которой не может и Петр I, требующий от султана изгнания шведского короля из бессарабских провинций. Выстроив в своем лагере дом для себя и свиты, Карл XII из этого дома сплетал паутину интриг, в ней он ловко запутал Австрию с Францией, которые через своих послов воздействовали на султана Ахмеда III, и своего добился: Турция неожиданно объявила войну России! Карл XII, горя отмщением за Полтаву, домогался получить под свое начало всю турецкую армию, но великий визирь Мехмед-паша отказал ему в этом:

– Король! Не подобает тебе, христианину, руководить правоверными мусульманами... Я сам поведу войско!

Петр I с русской армией был окружен на Пруте громадными таборами янычар и крымских татар. Положение критическое. Порох и ядра кончались, фураж истреблен. Люди не имели пищи, кони бродили от дерева к дереву, обгрызали кору и поедали стебли. Но два штурма янычар все же отбили с успехом, и янычары, боясь поражения, уже буянили перед шатром визиря:

– Больше не пойдем на гауров! Иди сам или добудь мир!

Карл XII предавался ликованию. «Я каждую минуту, – писал он, – ожидал известия, что враг сдался, и уже представлял себе, с какой неописанной радостью увижу я Петра, лежащего у ног моих...» Петр приказал сжигать обозы и багаж армии. У него развилась страшная мигрень, он ушел в шатер и стал плакать от бессилия. Множество русских дам, сопровождавших армию в походе, генералы и офицеры последовали примеру Екатерины, догадавшейся отказаться от драгоценностей, и Мехмед-паша принял очень большую взятку в золоте и бриллиантах, после чего дозволил русским выйти из окружения с музыкой и развернутыми знаменами... Карл XII, узнав об этом, закричал:

– Коня! – и, запрыгнув в седло, помчался к Пруту...

Переправы через реку не было. Король шенкелями загнал лошадь в воду, а форсировав Прут, нечаянно угодил в самый центр русского лагеря. Вот бы его здесь и хватать голыми руками! Но ведь никто не думал, что Карл XII способен на подобную дерзость, да и трудно было признать короля Швеции в этом мокром и бледном всаднике, который, выбравшись на берег, галопом проскакал словно бешеный через весь русский компонент в сторону бивуаков турецкой армии. Великого визиря он стал гневно упрекать – как тот осмелился заключить мир без его, высококоролевского, ведома:

– Дай мне хотя бы десять пушек, и я обещаю тебе, глупец, повернуть назад всю историю варварской России...

Бывший дровосек, волею аллаха ставший великим визирем Оттоманской империи, невозмутимо покурил янтарную трубку.

– Войну вел я, а не ты! Наши законы, – отвечал он королю, – повелевают мириться с неприятелем, который устал и просит о мире. Ты под Полтавой испытал гнев русских, мы их тоже знаем достаточно. Если тебе не хватает драки, бери своих поваров, писарей и лакеев, воюй хоть с утра до ночи.

– Но ведь одно усилие, и ты можешь стать велик, пленив не только армию, но и самого русского царя.

В ответе Мехмед-паши обнаружился юмор:

– Кто же станет управлять Россией, если я пленю русского царя? Каждый цезарь должен проживать у себя дома...

Это было уже оскорбление. Вольтер пишет, что Карл XII сел на диван рядом с визирем, долго смотрел на старика в упор, потом задрал ногу и острой шпорой распорол одежду Мехмед-паши, затем удалился в молчаливой ярости. Ахмет III прислал в Бендеры 30 арабских скакунов и мешки с деньгами, деликатно давая понять королю, что пора бы и честь знать – не побывать ли ему дома, где шведы забыли, как выглядит их король!

Но король на подобные намеки не обращал внимания, а деньги, которые слали ему на дорогу, он транжирил на свои надобности. И даже Франция, и даже Австрия не могли убедить «железную башку», чтобы из бендерского захолустья он возвратился в отечество, где его присутствие крайне необходимо. Наконец султан лично заверил Карла XII в том, что русские войска не станут мешать его проезду через польские пределы. Ахмет III соглашался выделить конвой в 10 000 турецких спагов для безопасности. Карл XII требовал 50 000 всадников (а столько же татар обещал дать ему Девлет-Гирей, хан крымский). Под видом конвоя он задумал набрать армию в 100 000 человек, пустить же его в Польшу – как козла в огород с капустой! Ясно же, что «железная башка» снова откроет войну с Россией...

Терпение турок истошилось, и в феврале 1713 года в Бендерах произошел знаменитый на всю Европу «калабалик». Это турецкое выражение сейчас переводят как «ссора», а раньше переводили более замысловато: «игра или возня со львом»! Шведы же объясняют его проще: «свалка, куча мала, потасовка, драка»...

Не зная, как выжить короля, султан снова прислал ему подарки, лошадей, богатую карету и мешки с золотом. По подсчетам историков, король в общей сумме вытянул из казны султана один миллион «ефимков» (рейхсталеров). Он просил еще 600 кисетов с золотом, чтобы расплатиться с долгами.

Бендерский сераскер настаивал на скором отъезде.

– Иначе, – пригрозил он, – падишах повелит мне принудить тебя к путешествию до своего дома, а мне бы не хотелось применять насилие, всегда связанное с бесчестьем.

Ответ Карла XII сохранился для истории:

– На вашу силу отвечу собственной силой...

В этот период при короле в Вендорах насчитывалось около 700 человек, включая прислугу и свиту. Сераскер запретил доставку продовольствия в шведский лагерь. Карл XII зарядил пистолеты и перестрелял арабских скакунов – дар султана:

– Если нет корма, зачем мне эти лошади?

Сераскер приказал блокировать шведский лагерь.

На это Карл ответил сооружением баррикад, а свой дом обставил палисадом из заостренных бревен. Наконец припасы у шведов кончились, люди начали голодать, и тогда «железная башка» открыл военные действия против страны, которая дала ему приют, терпела всяческие его капризы и воздавала ему почести, согласно древнему принципу: кесарю кесарево! Карл XII объявил:

– Когда на войне недостает фуража, войско добывает его через реквизиции у противника...

Султан переправил в Бендеры суровый «хаттишериф»: Карла отправить силой в греческие Салоники, откуда французы морем доставят его в Марсель; «...если же король погибнет, смерть его не должна ставиться в вину мусульманам». Была обнародована духовная «хетва» к правоверным, разрешающая нарушить законы Корана, а убийство «гостей» никому в вину не ставить. Короля навестил евангелический пастор и, пав на колени, умолял Карла XII не губить в Бендерах жалкие остатки той великой армии, что смогла уцелеть после Полтавы. Король топнул ботфортом:

– Для проповедей избери себе иное место, а здесь сейчас разгорится новая кровавая битва... Уходи!

Турки имели 12 пушек, а всего сераскер собрал 14 000 войска (по иным сведениям, его численность превышала 30 000 человек). Пушки уже громили баррикады, когда янычары стали горланить, что «хаттишериф» подложный и на приступ шведского лагеря они не пойдут. Сераскер схватил зачинщиков бунта, утопил их в Днестре, затем показал янычарам личные печати султана:

– Если вам так уж по сердцу шведский король, можете сами уговорить его исполнить повеление нашего падишаха...

Взяв в руки белые палочки (знак миролюбия), янычары без оружия явились в шведский лагерь, истошно крича, что не дадут в обиду Карла XII, но пусть он только доверится им, янычарам, и они доставят его хоть на край света. Карл XII высунулся из окна второго этажа, крикнув своим друзьям:

– Пошли все вон! Иначе я спалю ваши бороды.

Янычары, огорченно покачивая головами, говорили:

– Ну какая железная башка! Где еще найдешь такую?

В ставке короля вооружились все до последнего поваренка с кухни. Голштинский посол Фабриций писал, что король нарочно обострил обстановку «лишь для того, чтобы представить миру образец боя, который бы казался потомству попросту невероятным». Атака янычар началась в воскресенье – как раз во время духовной проповеди. Оборона шведов была сломлена, турки взяли баррикады и рассыпали их, как мусор. Напрасно Карл XII взывал к мужеству своих

верных сподвижников – офицеры не пожелали участвовать в его аванюре, а старый генерал Дальдорф разорвал на себе мундир, обнажая незажившие раны:

– Король! Неужели одной Полтавы тебе еще мало?..

Вокруг Карла XII остались лишь драбанты и слуги человек тридцать, не больше. С трудом он пробился к своему дому. Одноглазый янычар схватил его за краги перчаток. Но король вырвался с такой силой, что упал на землю, а другой турок выстрелил: пуля прошла насквозь, задев нос и бровь короля. Карл хотел ринуться врукопашную, но драбанты удержали его за поясной ремень сзади. Король, освобождаясь, расстегнул пряжку спереди, бросаясь в свалку, но его силой затворили в доме. Шведы забились в одну из комнат, а дом уже принадлежал туркам, грабившим все подряд. Карл XII ударом ноги распахнул двери в соседнюю комнату, уколами шпаги заставил турок отступить – кого выбил в двери, а кто сам выпрыгивал через окна.

– Драбанты, честь дороже всего! – призывал король...

Столовая зала была переполнена янычарами, разбиравшими посуду. Трое из них кинулись на Карла XII, желая пленить его. Король двоих заколол, а третий начал рубить короля саблей. Закрываясь левой рукой, Карл XII чуть не лишился пальцев. Началась невообразимая драка – в лязге клинков, в криках и воплях, в звоне битой посуды Карл XII был схвачен за глотку и прижат спиной к горячей кухонной плите.

– Драбанты! – позвал он на помощь.

Повар выстрелом в голову поверг турка, душившего короля. С боем Карл XII повел шведов на штурм спальни. Там все уже было разграблено и вынесено. Но два янычара еще стояли в углу, один спиной прикрыл грудь второго, и оба они держали перед собой пистолеты, готовые выпалить разом.

– Получайте сразу оба! – воскликнул Карл XII.

Рубака опытный, он пронзил обоих, нанизав турок на свой длинный клинок, будто букашек.

– Горим! – раздались крики с лестницы. Крыша гудела от попаданий ядер. В стены здания впивались татарские стрелы с комками горячей пакли, янычары подбегали к дому короля, бросая в окна охапки горящего сена. Карл XII велел обыскать всех убитых в поисках патронташей и оружия.

– Драбанты, – сказал Карл XII, – отныне вы все полковники.

– Крыша уже в пламени, – отвечали ему.

На чердаке пытались избавиться от горящих балок. Воды не было, пожар тушили болгарской водкой небывалой крепости, отчего пламя разгорелось еще сильнее. Карл XII и его свита спустились с чердака, когда лестница уже пылала. Потолки рушились.

– Пора уходить из дома, – доказывали Карлу XII.

– До тех пор, – возражал король, – пока на нас еще не загорелись одежды, я не вижу никакой опасности...

Наконец люди стали забивать пламя на своих одеждах.

– Король, – сказали они, – не лучше ли нам пробиться с боем до канцелярии, которая еще не горит?

– Отличный повод показать храбрость, – согласился Карл XII.

С пистолетом в левой руке, держа шпагу в правой, он выскочил на крыльцо перед изумленными турками. Но не сделал и пяти шагов, как его гигантские шпоры зацепились за кусты и король рухнул в обгоревшую траву. Тут его и схватили. Европа никак не ожидала такого финала: шведский король сделался пленником турок! Его отвезли в замок Демюрташ, где король выразил протест тем, что сразу же улегся в постель.

– Я не болен, но больше не встану, – сказал он.

Будучи в полном здравии, Карл XII умудрился целый год провести в постели. В самом деле, надо иметь «железную башку», чтобы обречь молодой организм на годичное существование в лежачем положении. Но весной 1714 года Карл XII испытал нервное возбуждение. Швеция еще держала крепость Штральзунд – последний оплот своего владычества в Померании, до короля дошли из Стокгольма слухи, что сестра собирается вступить на трон. Осенью он тронулся в путь. Всегда остригавший голову ножницами «под солдата», на этот раз Карл XII накрылся пышным париком, чтобы его не узнали. Сопровождал короля в пути через всю Европу лакей. В одну из ночей в воротах Штральзунда возникла тревога: кто-то ломился в крепость, требуя, чтобы его впустили.

– А кто он таков? – спросили его с фасов.

– Открывайте! Это я – ваш король...

Карл XII проскакал через Европу за шестнадцать суток...

Он сам возглавил оборону крепости, осажденной датчанами, и два месяца спал на земле перед воротами, особо опасными на случай штурма. Настала зима, лед сковал каналы, ведущие к морю. Не стало дров и хлеба. Претерпевая голод и стужу, Карл XII из Штральзунда диктовал приказы. Бомба взорвалась в соседней комнате, секретарь выронил перо.

– Отчего не пишешь далее? – спросил король.

– Но, ваше величество, бомба... бомба!

– Не понимаю, какое отношение к письму имеет бомба...

Наконец даже он осознал, что Штральзунд не удержать, и велел пробить во льду фарватер. Ночью, закутавшись в плащ солдата, он прыгнул в шлюпку, матросы навалились на весла, датчане открыли стрельбу, ранив людей свиты. Под парусом пересекли море. Карл XII высадился на берегу Швеции, проведя ночь под скалой, защищавшей его от ветра, а когда рассвело, он узнал то самое место, которое покинул пятнадцать лет назад, чтобы вступить в единоборство с молодой Россией... А что было со Швецией, когда-то цветущей? Что застал он на родине после долгого отсутствия? Неурожаи, эпидемия чумы, войны и набеги выкосили население, а лучшие здоровые силы нации, оторванные от хлебных полей и железных рудников, погибали на полях битв, в снегах Сибири или на венецианских галерах...

– Зато я принес вам славу, – объявил он в Стокгольме.

Но шведы насытились славой по горло. В окружении короля вызрела оппозиция его правлению, возник заговор. Невзирая на все тяготы народа, Карл XII осенью 1718 года открыл новую кампанию – он вторгся в Норвегию, принадлежавшую тогда датчанам. Норвежская крепость Фредриксхальда напоминала орлиное гнездо в горах. В ночь на 30 ноября Карл XII осматривал саперные работы в траншеях. Он взобрался на вал и лег, подпирая голову левой рукою, желая лучше рассмотреть крепость в потемках. Его адъютант Яган Каульбарс, оставшись в траншее со свитой, постучал кулаком в подошвы ботфортов:

– Король, не пора ли подумать о голове?

– Оставь меня в покое, Яган, я должен все видеть сам...

Вслед за этим раздался странный плещущий звук («будто в болото упал камень»). Каульбарс за ноги стащил короля обратно в траншею. Карл XII был мертв. Протокола о смерти не составили. Придворный врач Мельхиор Нейман объявил, что пуля, убившая короля, прилетела из крепости – в левый висок. Но саперы, уносившие короля, утверждали, что рана в правом виске – выстрел сделан из траншеи. Настораживала очень большая сила удара пули, разрушившей череп, что возможно при выстреле с ближайшей дистанции. Хоронили Карла XII с подозрительной поспешностью. Швеция наполнялась мрачными слухами... Дабы пресечь их, в 1746 году Карла XII вынули из гроба. Выяснилось, что Мельхиор Нейман искажил истину: пуля пробила череп с правой стороны. Значит, стреляли в короля из траншеи. (А ведь Карл XII считал врача своим личным другом.) В 1859 году профессор истории Фриксель устроил повторную аутопсию Карла XII в присутствии членов королевской династии, но сомнения не разре-

шились. Пробовали стрелять из старинных ружей с фасов норвежской крепости по мишеням, которые втыкали в землю на том же месте, где лежал Карл XII, и – к удивлению криминалистов – пули с большой силой пробивали мишень насквозь. Шведский историк Ингвар Андерсон заключает главу о Карле XII словами: «Вопрос о том, погиб ли Карл XII от шальной пули из окопов или от пули тайного убийцы, не решен и сейчас».

Карл XII, эта неисправимая «железная башка», прожил всего лишь 35 лет, большую часть жизни проведя в походах вдали от родины. Сейчас наши историки пришли к выводу, что подлинный Карл XII «весьма далек от вольтеровско-пушкинского Карла. Величие петровской победы (при Полтаве) становится от этого еще ошутимее». Е.В. Тарле прав: тяжкое историческое возмездие постигло Швецию за ее попытку поработить русский народ.

После Карла XII правители Стокгольма трижды в истории жаждали реванша, но все их попытки кончались крахом, и лишь в 1809 году, когда русская кавалерия загарцевала в предместьях Стокгольма, шведы твердо решили: «Пусть эта война с Россией будет для нас войною последней!»

...На поле Полтавской битвы поставлен памятник «Шведам от россиян», и на нем можно прочесть благородные слова: «Вечная память храбрым шведским воинам...»

Дуб Морица Саксонского

Я хотел было начать с рассуждений о пьесе Эжена Скриба «Анриенна Лекуврер», которая пришла на русскую сцену с Элизой Рашель в заглавной роли, но потом передумал, решив начать с того, о чем мало извещен наш читатель...

Если забраться в самую гущу лесов Курляндии, то севернее речной долины Абавы мы выйдем к озеру Усмас, в котором есть райский островок Морицсала, еще в 1910 году объявленный заповедником. Посреди же острова, среди многих деревьев, не ведавших топора, издревле растет дуб, возраст которого перевалил уже за 700 лет, а внутри дуба столь громадное дупло, что в нем легко умещаются десять человек. Местные жители называют этого великана «дубом Морица».

Не стану восторгаться деревом – пусть оно живет хоть тысячу лет; я поведаю о Морице Саксонском, который в 1727 году прятался в дупле этого дуба. Надеюсь, читателю интересно – от кого же он прятался в этой курляндской глухомани?

К сожалению, легендарный Мориц хорошо укрылся и от нас, ибо наши историки если и вспоминают о нем, то прежде всего как об авторе всеобщей воинской повинности, за что все читатели и остаются крайне ему благодарны...

Начало – точно в духе той давней эпохи, словно фабула его нарочно придумана для романов Дюма, а суть ее такова.

Прослышав об убийстве брата, шведская графиня Аврора Кёнигсмарк появилась в Дрездене, бывшем тогда столицей Саксонии. Красавица была озабочена тем, чтобы немецкие банкиры вернули ей бриллианты убитого брата. С просьбой о помощи Аврора обратилась к Августу Сильному, который был курфюрстом саксонским. Свидание состоялось в замке Морицбурга; оценив красоту просительницы, курфюрст обещал ей свое могучее покровительство, в результате которого последовали неизбежная беременность графини и возвращение ей бриллиантов.

Осенью 1696 года родился мальчик, которого – в память о свидании в Морицбурге – нарекли Морицем. А через год Август Сильный был избран королем польским, сидя на двух престолах сразу – и в Дрездене (там он курфюрст) и в Варшаве (там он король). В 1700 году Аврора Кёнигсмарк удалилась в монастырь, а беспутный папенька увез сына в Варшаву, где мальчик и жил на птичьих правах бастарда (незаконнорожденного). В этом же году разгорелась Северная война, шведский король Карл XII жестоко истерзал Прибалтику, его драбанты топтали земли польские и саксонские. Август Сильный оказался тоже «на птичьих правах», удирая от шведов то из Варшавы, то из Дрездена, а Мориц с детства изведал прелести бездомной кочевой жизни, которая ему – еще ребенку – безумно понравилась.

В коалиционной войне со шведами Август был невольным (а кстати, и неверным) союзником царя Петра I, и, утомленный постоянными ретирадами, он в 1702 году вызвал Аврору Кёнигсмарк из обители Кведлинбурга, велел ей приодеться наряднее.

– Если, – сказал он монахине, – плодом нашей встречи явился сын Мориц, то плодом вашей встречи, мадам, со шведским забиякой должен стать разумный мир, и тогда пусть русский царь сам разбирается в делах на Балтике... С меня хватит! Я уже набегался. Пусть теперь побегаёт русский царь...

Но даже греховная красота Авроры, появившейся в грязной палатке Карла XII, не произвела на «забияку» никакого впечатления, и война продолжалась. В 1709 году – в памятный год Полтавы! – Морицу исполнилось двенадцать лет, и он вступил под знамена польско-саксонской армии. Начиналась удивительная жизнь – на распутьях дорог, оснащенных виселицами, в боевом грохоте полковых барабанов, в громе рвущихся ядер.

– Замечательно! – восклицал мальчишка, радуясь...

Заискивая перед царем, Август послал его к Петру I, чтобы тот включил его в ряды своей армии, и летом 1710 года Морица видели в числе русских воинов, штурмовавших ворота Риги, доселе нерасторжимые. В свои пятнадцать лет он выглядел уже бравым офицером, на него стали поглядывать невесты. Август Сильный имел сотни побочных детей, ни одного из бастардов не признавая своим. Но для Морица он сделал приятное исключение, признав себя его отцом, он даже присвоил ему титул графа Саксонского, обещая ежегодно выплачивать ему 10 000 талеров.

– Не сомневаюсь, сынок, – сказал Август, – этого вполне хватит тебе не только на вино, но даже на женщин...

Денег, увы, не хватало! Красивый, сообразительный и энергичный, граф Мориц Саксонский стал привлекательным женихом, но брачные узы его не соблазняли. Август, решив обуздать сына, повелел ему жениться на Виктории фон Лебен:

– Пойми! Богаче невесты, нежели Виктория, нет и не будет в моей Саксонии, так какого же черта тебе, балбес, еще надобно? Я бы на твоём месте долго не думал...

Женившись, Мориц так закутил, что скоро от богатейшего приданого жены остался, как говорят русские, «пшик на постном масле». Слухи о мотовстве сына дошли до Кведлинбурга, где его мать замаливала грехи, и Аврора, выпрямившись от поклона, велела передать Августу, чтобы тот повлиял на сына.

Август Сильный принял жестокое решение:

– Мориц совсем распустился, а потому – ради исправления его нравственности – я желаю сослать его... в Париж!

Хорош же был Дрезден времен Августа, если даже Париж считался образцом благолепия. Между тем раздоры супругов стали притчею во языцех, и, застав мужа в близком соседстве со служанкой, Виктория потребовала развода.

Эта «неприятность» случилась в 1721 году, который завершился приговором суда. Морица развели с Викторией, и ей, как порядочной даме, судьи разрешили вступать во второй брак, а Мориц Саксонский, как изменник и прелюбодей, навсегда терял юридическое право жениться вторично. Впрочем, этот приговор не ужаснул Морица, который, приехав в Париж, всюду называл себя убежденным холостяком. Далее позволю себе процитировать: «При дворе и в салонах Парижа он оказался необыкновенно популярным: мужчины находили его в высшей степени порядочным и приятным человеком, а дамы были без ума от его внешности, от его военных и донжуанских подвигов».

Конечно, он был представлен и королю Франции.

– Моя шпага, как и моя храбрость, – заявил он, – всегда к услугам вашего королевского величества...

Десять тысяч саксонских талеров обернулись для него жалованьем в десять тысяч французских ливров – Мориц был назначен в бригадные генералы версальской гвардии. Дамы парижского света, супруги изнеженных и слабосильных маркизов вскрикивали от восторга, когда он, блаженно улыбаясь, показывал им «русские фокусы»: разрывал пополам лошадиные подковы, а железные вертела для поджаривания дичи в каминах Мориц закручивал в штопор... «Разве же это трудно, мадам? Совсем нет!»

Но я, читатель, еще не сказал самого главного.

Полузакрыв глаза и призывно раскинув руки, к нему уже спешила радостная Андриенна Лекуврер, дочь башмачника и прачки, гениальная актриса из «Комеди Франсез», всегда домогавшаяся только дружбы с мужчинами. Только дружбы, а теперь...

– Мой любимый Геракл, – шептала она, счастливая.

– Но обреченный служить тому обществу, в котором всегда не хватало Гераклов, – отвечал Мориц.

Не лишенная доли тщеславия, Андриенна полюбила его, а он полюбил ее, но об этой любви я расскажу позже. Позже, ибо три года подряд Мориц хранил верность одной Андриенне, а в 1726 году он жестоко разомкнул любовные объятия:

– Извини. Для полноты счастья мне сейчас не хватает сущего пустяка... всего лишь п р е с т о л а!

Ради такого пустяка дело за расходами не постоит, и потому Андриенна Лекуврер вручила ему свои драгоценности.

– Только вернись, – заклинала она Морица.

– Я обязан вернуться, чтобы не быть должным женщине...

Читатель может не сомневаться: Мориц сдержал слово.

В дороге Морица сопровождал его верный слуга Жан Бовэ, которому он доверял очень многое, как ближайшему другу.

– Кажется, – рассуждал Мориц в пути, – судьба подкинула мне такие козырные карты, с которыми было бы смешно не выиграть. Престол герцогов Курляндских, занимаемый династией Кетлеров, вассален Речи Посполитой, где королем мой отец. Сейчас в Митаве тоскует вдова Анна Иоанновна, а Курляндией правит из Гамбурга бездетный герцог Фердинанд, которого митавские рыцари ненавидят и ждут его смерти...

Прибыв в Варшаву, Мориц эти же доводы изложил перед отцом, а отец предупредил, что любовная «акция» с герцогиней Анной Иоанновной грозит вмешательством России и Пруссии.

– Но ты прав, что династия Кетлеров при последнем издыхании, и ты, сын мой, попробуй оживить ее своей любовью. Но – поторопись! – сказал Август Сильный. – Претендентов на шаткий престол в Митаве всегда найдется достаточно...

Верно! Историк Карнович писал, что Европа давно вожделела к Митаве: «Разные герцоги, принцы, маркграфы и ландграфы мечтали о том, как бы им попасть в герцоги курляндские, вследствие чего явилось в ту пору множество искателей руки и сердца Анны Иоанновны». Всех перечислять я не стану, ибо только один Мориц Саксонский смело и решительно выступил в роли жениха, заявив отцу перед отъездом в Митаву:

– Эта вдовушка вряд ли устоит перед моим штурмом! Наконец, у меня есть на примете еще и российская цесаревна Елизавета, которая немало наслышана о моих достоинствах...

Из Петербурга саксонский посол Лефорт нахваливал ему Елизавету Петровну в таких выражениях: «У нее круглое, как у кошки, лицо, голубые глаза с поволокой и приятно возвышенный бюст... ей все равно, тепло или холодно, а живость ума делает ее ветреной... она рождена для Франции!» Описание достоинств цесаревны Лефорт заключал выводом, что Елизавета заочно влюблена в Морица, почему и ждет его на берегах Невы. Стоит напомнить, что на Руси царствовала тогда Екатерина I, а управлял ею всеильный князь Меншиков, и слово этого временщика было законом для всех и даже для нее, для самодержицы.

Жан Бовэ – по дороге в Митаву – пугался сам и пытался напугать своего любвеобильного суверена:

– Как бы этот «штурм» переспелой вдовицы не обошелся нам кровью, ибо давно известно, что Меншиков сам желает стать герцогом курляндским, согласный женить на Анне Иоанновне своего сынишку... Вы, граф, не бойтесь могучего соперника?

– Я готов скрестить шпаги, – отвечал Мориц...

Вот и Митав! Анне Иоанновне страстно хотелось замуж, а потому она предстала перед женихом во всем своем многотелесном величии. Мориц поначалу даже обомлел: какая стать, какие бока, какой гигантский бюст, какие глазищи, какая рожа... Отношения меж ними определились, и бабище, изнывавшей во вдовстве, не стоило труда увериться в самой пылкой «любви» красавца. Между тем, чтобы время не пропадало даром, Мориц влюбил в себя и фрейлину герцогини Менгден – так что все складывалось прекрасно! Прекрасно еще и потому,

что на сейме в Варшаве шляхта решила прибрать Курляндию к своим рукам, разделив ее на воеводства, что немало возмутило курляндских рыцарей.

– До каких же пор, – горланили они в ландтаге, – мы будем ждать, когда сдохнет Фердинанд, до каких же пор мы будем даром кормить эту русскую обжору, сидящую на самом краешке митавского престола... Хотим Морица!

28 июня 1726 года курляндский ландтаг ЕДИНОГЛАСНО избрал Морица Саксонского в герцоги курляндские:

– Но с единым условием – чтобы женился на герцогине Анне, и пусть он сам, как муж, заботится об ее прокормлении...

Анна Иоанновна блаженствовала, известив Петербург о своем счастье. Герцогиня восторгалась любовной пылкостью Морица, а фрейлина Менгден не уставала дивиться его проворству, с каким он мгновенно раздевал ее каждый вечер.

– О, как вы опытни, граф! – восхищалась девица...

Однако в Петербурге на эту возню в Митаве взирали с опаской. Русский кабинет не боялся обидеть Августа – курфюрста Саксонского, но ему совсем не хотелось ссориться с Августом – королем Речи Посполитой, которая всегда под самым боком России, достаточно грозная и не в меру буйная. Кроме того, Екатерина I желала бы видеть на престоле митавском своего зятя, герцога голштинского. Но при этом царица боялась и князя Меншикова, который топал на нее ботфортами, как на служанку.

– Или ты забыла, кто доставил тебе престол великороссийский? А теперь своего голштинского засранца на Митаву сажаешь, не желая со мною по-божески расплатиться...

Меншиков еще в 1711 году давал Августу Сильному взятку (в 200 000 рублей), чтобы тот помог ему взобраться на митавский престол, а теперь... теперь надо действовать. Анна Иоанновна была срочно отозвана из Курляндии в Ригу, а в Митаву прибыл посол князь Василий Долгорукий, внушавший рыцарям:

– Да что вы, рыцари, в парижского сикофанта уперлись? Или иных не видите из-за леса темного? А наша императрица желает видеть у вас герцогом высокоблагородного и светлейшего князя Меншикова или же своего мудрого зятя голштинского...

Тут курляндские рыцари стали хвататься за шпаги:

– Тому не бывать, чтобы нас на русской веревке таскали! Дело с Морицем решенное. Ландтаг уже по домам разъехался, и голосов для нового ландтага в Митаве не собрать...

– А тогда на себя пеняйте! – пригрозил дипломат.

Жалобное письмо Анны Иоанновны к Екатерине I, конечно же, попало в карман князя Меншикова, и по дороге на Ригу он прочитал его вновь; вдовица не скрывала симпатии к Морицу, о чем писала так: «И оной прынц моей светлости не противен!»

– Во сучка! – ругался Меншиков. – Нашла кобеля...

Меншиков ехал якобы ради «инспекции» крепостей в Прибалтике, но цели имел иные – личные. В рижском замке его поджидала Анна Иоанновна «с великою слезною просьбою», чтобы Морицу быть ее мужем и герцогом курляндским. Меншиков грубо пресек ее сладострастие, объявив это чувство «вредительством интересов российских». Разговор повел круто:

– Или сами того не ведаете, что Мориц зачат в блюде от метрессы курфюрста, а ваша светлость как-никак из дома Романовых, не чета сему махателю. А будь я герцогом, так доходы с ваших имений в Курляндии не утаил бы... А ежели супротивитесь мне, так я могу и неласковым быть!

Анна Иоанновна затрепетала, а Меншиков не щадил ее:

– К сему добавлю... знайте! Пока вы тут слезьми обливаетесь, Мориц каждый вечер сгоняет лишний жир с вашей же фрейлинки. Да попадись ему ваша дородная светлость, так он бы от вас един жалкий прутик оставил. То ведомо вам буди!

Анна Иоанновна зарыдала. Меншиков ей – тоном приказа:

– Ныне за верное станется, ежели держать вашу светлость от Митавы подале. Вот и катитесь в Питер, и там сидеть тишайше, пока я сам о вашем счастье не озабочусь...

Герцогиня тронулась в Петербург, а светлейший – в Митаву. Он был оповещен, что «курляндчики» стоят за Морица, а других герцогов им не надобно. Меншиков, прибыв в Митаву, заявил рыцарям, что за ним шагают двадцать тысяч солдат, и потому чтобы не мешкали с созывом нового ландтага, дабы избрать в герцоги непременно его – светлейшего и сиятельного.

– А сколь много солдат у вашего Морица? Сосчитайте...

При Морице состояли 12 офицеров, 104 солдата, 98 конных драгун и 33 человека домашней прислуги. Однако встречи с Меншиковым было не избежать. Мориц дважды виделся с князем, а каждое их свидание напоминало словесный поединок, чреватый обнажением шпаг. О том, как велись эти беседы, известно от самих собеседников, доверивших свои разговоры бумаге.

– Что же будет с Курляндией, если силою русских штыков вы выберете в герцоги свою светлейшую персону? – спрашивал Мориц. – И что будет, если ландтаг постоит за меня?

Меншиков ответил, что местные рыцари не пожелают разделять участь волков в Сибири, а сама Курляндия «не может искать ничего покровительства, кроме русского...»

– Вы откровенны! А посему отвечу своей откровенностью. Сколько вам дать, чтобы вы убрались из Митавы?

– На таковой деловой вопрос, – нисколько не обиделся Меншиков, – я отвечу тем же вопросом: сколько мне дать вам, чтобы вашего духу не было в Митаве?

Из письма Морица: «Меншиков явился с видом властителя всего рода человеческого. Он даже изумлен, когда увидел, что эти ничтожные твари (курляндцы) отказываются от такой чести – быть под его управлением... он сказал мне, что свое право на Курляндию может доказать палочными ударами. Чтобы спровадить его обратно в Ригу, я предложил на пари 100 000 рублей, сказав, что эту сумму пусть получит один из нас, кто станет герцогом курляндским. Меншиков ударил со мною по рукам...»

Вот, читатель, как вершилась в те времена политика!

Убежденный в том, что ландтаг достаточно запуган его угрозами, а престол в Митаве достанется ему, Меншиков вернулся в Ригу, где и стал ожидать результатов новых выборов. Лефорт в эти дни продолжал заманивать Морица в Петербург, извещая, что цесаревна Елизавета горит любовным нетерпением. Между тем ландтаг и не думал собираться, отчего Меншиков пришел в ярость, желая ввести в Курляндию русские войска и арестовать Морица. От тех далеких дней сохранился рассказ, более схожий с анекдотом. Будто бы нападение на Митаву состоялось, но Морица спасло именно то обстоятельство, что в эту ночь он пировал с фрейлиной Менгден. Услышав, как трещат двери, разбиваемые прикладами, граф с присутствием ему проворством раздел фрейлину, облачившись в ее платье, а Менгден быстро натянула его лосины, накинула его мундир, Мориц выпрыгнул в окно – и был таков... Финал этой сцены неожиданный: «Захвативший помянутую девицу русский офицер так пленился ею, что не замедлил на ней жениться!»

Однако методы князя Меншикова всполошили Петербург: митавский конфликт становился опасен последствиями, которые трудно предсказать. Меншикова срочно отозвали в Петербург, чтобы он понапрасну людей не пугал, а князь Василий Долгорукий любезно предложил Морицу выехать в лес – для охоты.

– России, – сказал он в лесу, – никак нельзя ссориться с поляками из-за вас, а мне весьма прискорбно, любезный граф, исполнить приказ о вашем немедленном удалении из Митавы...

Весною 1727 года скончалась Екатерина I, и смерть ее повергла Морица в отчаяние. Он понимал: Меншиков, став единовластным диктатором России, не замедлит с ним расправиться. Предчувствие не обмануло: генерал Петр Ласси двинул в Курляндию восемь тысяч

русских солдат, предупредив Морица письмом, чтобы бежал из Митавы скорее, иначе, угрожал Ласси, графу предстоит знакомство «с очень отдаленной страной».

– Собирайся! – велел Мориц лакею Бовэ. – При всей моей страсти к приключениям я совсем не желаю знакомиться с природой Сибири и чудесными нравами ее жителей!

Путь отступления Морица сейчас указывает на карте железная дорога от Елгавы до Вентспилса. Ласси оказался мужчиной сердитым и «наступал на пятки» графу; преследуя его, он свирепо «дышал ему в затылок». Изнуренный отряд Морица Саксонского выбрался к озеру Усмас, здесь решили отдохнуть, затаившись на острове Зивьюсала (которое после этого случая местные жители, ливы и латыши, переименовали в Морицсала).

Мориц спрятался в дупле могучего дуба, его волонтеры укрылись в кустах, почти невидимые. Но Ласси разгадал их уловку, прокричав с берега, чтобы сдавались в плен, иначе он выкатит пушки, и тогда от этого райского островочка останется одна голая плешь. Мориц из дупла прогорланил в ответ ему:

– Женераль! Прошу десять дней... для размышлений.

– Сорок восемь часов... не более! – отвечал Ласси.

Капитуляция была неизбежна. Мориц наказал Бовэ хранить, как святыню, шкатулку с избирательным актом ландтага:

– На старости лет мне будет приятно почитать о себе, что я все-таки был, черт побери, герцогом курляндским...

– Что вы задумали, граф? – встревожился Бовэ.

– Я не желаю, чтобы люди, служившие мне, валялись в лужах крови. Пусть сдаются на милость победителя. Но меня среди пленных генерал Ласси не отыщет...

Он собрал свой отряд и, как хороший товарищ, простился с каждым. Потом легко запрыгнул в седло, взбодрил лошадь.

– Не надо мне перезрелой герцогини Анны, не нуждаюсь и в игривости цесаревны Елизаветы – меня давно ждет несравненная Андриенна Лекуврер, самая прекрасная женщина Парижа!

С такими словами он разогнал лошадь галопом, и – в ослепительных каскадах брызг – она обрушилась в озеро, поплыв к берегу, напряженно вытянув уши... Благополучно прибыв в Париж, граф Мориц Саксонский с удивлением узнал, что его могучий соперник князь Меншиков пал с высоты своего надменного величия и сам оказался в «очень отдаленной стране», где, наверное, мог бы встретить и Морица, если бы не ловкость Морица, если бы не его выносливая лошадь...

Вольтер был сердечным другом Андриенны Лекуврер, потому он и стал большим другом Морица Саксонского. Они оба любили эту женщину, но каждый обожал ее по-своему. К несчастью, летом 1729 года в Морица серьезно влюбилась герцогиня Бульонская, очень распутная женщина, и далее началась криминальная история, тайна которой до сих пор не раскрыта.

Андриенна, как женщина, никак не могла мириться с появлением соперницы, пусть даже очень знатной и богатой, а Париж знал о новой страсти Бульонской, с интересом наблюдая за схваткою двух «тигриц» из-за Морица Саксонского. Победила все-таки Андриенна, которая в расиновской «Федре», ведя главную роль, вдруг – в полной тишине театрального зала – обратилась к ложе, где восседала ее соперница:

Я не из женщин тех, беспечных в преступлениях,
Что, гнусность совершить готовые всегда,
Умеют не краснеть от тяжкого стыда...

Все зрители поняли намек Андриенны, и в грохоте аплодисментов герцогиня Бульонская покинула театр, провожаемая шиканьем и свистом. Андриенна была болезненной, а вскоре

ей предложили загадочные таблетки, одна из которых издавала подозрительный запах. Это обнаружил сам Мориц.

– Ни в коем случае не принимай их, – велел он актрисе. – Я пошлю эти таблетки на анализ химику Этьену Жоффруа...

Жоффруа испытал их на своей собаке, ибо в те времена такой «химический» способ был самым верным, но собака осталась жива. Зато неожиданно скончалась Андриенна Лекуврер. Она умерла на руках Вольтера – так пишут одни, она умерла на руках Морица Саксонского – так пишут другие. Но путаницы тут нет, ибо первый и второй, оба рыдающие, приняли последний вздох великой актрисы. Вздох ее они приняли, сие верно, но, потрясенные смертью, они забыли пригласить кюре, чтобы тот исповедовал умирающую, и Андриенна умерла без святого причастия. Церковь же в ту пору относилась к актрисам как к профессиональным «чертовкам», отдавшим себя для служения дьяволу, и все сказанное, вместе взятое, довершило трагедию жизни...

Ночью – ни Вольтера, ни Морица не было – полиция прислала мортусов, которые, замотав тело Андриенны в рогожу, воровски утащили его на загородный пустырь, где уже была приготовлена яма. Мертвую бросили в яму, тут же обильно засыпав ее негашеной известью, чтобы от Андриенны не осталось даже костей, а землю над ее прахом мортусы сровняли так гладко, чтобы не сохранилось даже могилы.

– Счастливец! – сказал Мориц Вольтеру. – Вы хоть способны изливать свою ярость в разгневанных стихах и эпиграммах, а на что способен я, жалкий человек?..

В этом же году курляндская герцогиня стала русской императрицей Анной Иоанновной. Переиначивать прошлое – занятие наивное, но историки все же иногда задаются каверзным вопросом: что, если бы Мориц сделался мужем Анны Иоанновны? Если бы такое случилось, русский народ не изведаль бы ужасов «бироновщины», зато Россия, соответственно драчливому характеру Мориса, наверняка не выбиралась бы из военных авантур. Наконец, гадая на крапленых картах истории, можно задаться вопросом – что, если бы заочный роман с цесаревной Елизаветой завершился бы их браком, и не воссела бы тогда на русском престоле новая династия – Романовых-Саксонских? Но строить домыслы на сыром песке минувшего мы не станем, пусть читатель пофантазирует сам...

Потеряв свою Омфалу, Геркулес погрузился в уныние. Мориц спал или читал, читал или спал, избегая шумного света. Его оживила война за «польское наследство», а в 1737 году Бовэ опять потрясал перед ним избирательным актом ландтага:

– Проснитесь, граф! Фердинанд умер, а в Европе снова возник вопрос о пустующем престоле герцогов в Митаве...

Но Анна Иоанновна утвердила этот престол за Бироном.

Мориц все эти годы проживал во Франции, где и дождался кончины Анны Иоанновны, после чего Бирон сразу отправился зимовать в Пелым, а на престоле Романовых воцарилась веселая и бесшабашная Елизавета, когда-то влюбленная в Морица. Маркиз Шетарди, версальский посол при ее дворе, настойчиво звал Морица в Россию, чтобы «разогреть старые дрожжи», а Версаль вдруг проявил интерес к делам курляндским. Престарелый кардинал Флери, заправлявший политикой Франции, сказал Морицу:

– Надеюсь, акт о вашем избрании в герцоги еще не съеден мышами? Так прихватите его в Россию, ибо момент для вас чрезвычайно удачный: Елизавета коронуется в Москве, и на радостях ей ничего не стоит посадить вас на митавский престол, еще не остывший после сидения на нем герцога Бирона...

Был теплый душистый вечер 10 июня 1742 года, когда Мориц появился в Москве, а маркиз Шетарди сразу дал в его честь великолепный ужин, длившийся до утра – с винопитием и танцами. Москва уже была наслышана о его приезде, и в разгар ужина появилась сама Елизавета... Да, она хотела повидать Морица, но теперь женщиной двигала не наивная влюблен-

ность, а лишь одно женское любопытство. Протягивая руку для поцелуя, императрица поцеловала Морица Саксонского в лоб.

– Я так много слышала о вас, – сказала она...

Морицу было уже 46 лет, и померкшая красота его не произвела на Елизавету должного впечатления. В ответ на приглашение к танцу она сказала:

– Первый контрданс я занята, за вами – второй...

Если ему второй, то кому же первый? Первый контрданс Елизавета провела с молодым чернобровым красавцем.

– Кто это? – ревниво спросил Мориц у Шетарди.

– Алексей Разумовский... сын свинопаса, – отвечал посол.

– О боги! – вздохнул Мориц. – Ему первый контрданс, а мне второй... Значит, я уже готов для могилы!

Вскоре камергер Воронцов дал для Морица завтрак, на котором была и Елизавета в мужском костюме; она сама предложила гостю прогулку верхом, выразив желание показать ему Москву. Он галопом скакал с нею по улицам, но вдруг хлынул оглушительный ливень, и Елизавета с Морицем спасались от дождя в кремлевских покоях. Елизавета сказала:

– Хотите, я покажу вам сокровища моих предков?..

Показывая драгоценности Оружейной палаты, не желала ли она наказать его упреком – что он потерял, не откликнувшись на ее давние призывы? Елизавета призналась:

– Когда Ласси изгонял вас из Митавы, ваш отец, дабы утешить меня, прислал мне чайный сервиз из Мейсена, а я ведь тогда же сказала послу Лефорту: «Мне сейчас не фарфор, а... м у ж надобен!» Почему вы тогда не приехали?

– Об этом лучше спросить у того же генерала Ласси...

На этот намек, весьма горький в устах женщины, Мориц отвечал намеком на вакантный престол в Курляндии, но Елизавета сказала, что политикой ее кабинета ведают мужчины.

– А я, женщина слабая, могу только бить тарелки или плакать... Однако, – завершила она беседу, – Петербург не желает нарушать древние привилегии курляндских рыцарей, кои обоснованы на статьях их старинной конституции.

После такого ответа Мориц откланялся. Конец!

Осталось сказать последнее – едва ли не самое насущное...

С детства звенящий шпорами, Мориц замечал многое на войне, на что закрывали глаза его современники. Он много читал, чтобы сравнивать старое с новым в тактике боя и в стратегии войн. Ему не было еще и тридцати, когда известный шевалье де Фолар, сам военный мыслитель, сказал о Морице так:

– Я еще не встречал таких талантов полководца, только бы этот малый не подставлял свою голову под ядра!..

Ядра миновали голову Морица, в которой уже роились мысли иной эпохи – будущей. Неразлучный Бовэ давно привык к причудам Морица, который иногда начинал пророчить:

– Почему бы солдату не заменять хлеб сухарями, а дурацкие шляпы – железными касками? Пехоту надобно усилить ружьями, заряжаемыми с казны, чтобы не заталкивать пули шомполом. Нет, милый Бовэ, я совсем не стремлюсь к истреблению людей. Напротив, я помышляю о войнах с ничтожным пролитием крови.

Это правда. Мориц всегда берег солдат. Однажды был такой случай. Генералы сказали ему, что схватка обойдется в сущую ерунду – всего в дюжину солдат, на что Мориц ответил:

– Дюжина солдат? Но это не ерунда. Лучше я отдам неприятелю дюжину голов своих генералов...

Он считал битву при Полтаве шедевром военного искусства, призывая французов подражать русским: «Вот каким образом благодаря искусным мерам можно заставить счастье скло-

ниться в свою сторону», – писал он. Морица привыкли видеть кутящим с женщинами, но, пожалуй, один только Бовэ знал, как усидчив он, когда замыкался в творческом уединении, постигая тайны полководческого искусства. Мориц завещал, чтобы в армии обязательно учитывались народные традиции, «так как люди весьма привержены к ним, и даже от самых вредных обычаев отказываются неохотно и с великим трудом – в силу национальной гордости, в силу природной лени или просто по глупости...»

Еще смолоду он провел немало баталий, и не одну из них выиграл. Но в числе множества его побед самой внушительной и самой прославленной стала битва при Фонтенуа, в которой он разбил англичан, голландцев и ганноверцев, союзных австрийцам. Фонтенуа стало боевой гордостью народа Франции, а сам Мориц сделался для французов национальным героем.

– Я не радуюсь, – сказал он Бовэ. – Каждый мой успех порождает озлобленный лай шавоков-завистников...

18 марта 1746 года – сразу после Фонтенуа! – в парижской Опере состоялось театральное «коронование» Морица, а знаменитый скульптор Пигаль – еще при жизни маршала – заранее соорудил для него погребальный саркофаг в Страсбурге.

– Невесело жить, заведомо зная, что тебя поджидает прекрасная гробница. К сожалению, – рассуждал Мориц, – полководец, даже приносящий только победы, всегда остается подобен плащу, о котором вспоминают лишь во время бурного ливня...

Эти слова полностью оправдались, когда наступил мир и придворная камарилья задвинула Морица в глубокую тень. Версаль третирует Морица, а потому он, уже страдающий от болезней, до конца жизни хотел доказать свое превосходство.

– Но доказать придворной сволочи свое превосходство я могу не театральной, а лишь подлинной коронацией...

Не будем удивляться! Таков был век, а Мориц был кровное дитя своего времени. Короны тогда не валялись на мостовых, но зато оставались девственные страны, еще не знавшие королей. После митавского конфуза Мориц обратил пламенные взоры на далекий и загадочный Мадагаскар, однако версальские политики оберегали этот остров от посторонних воцелений как свою будущую колонию. Мориц наметил для себя другой островок – Тобаго, которым когда-то владели курляндские герцоги. Но Тобаго перехватили голландцы. Мориц был согласен стать даже королем разбойников Корсики, но и Корсика оказалась ему недоступна. Видя, как он хлопочет о короне, Бовэ подсказал самое верное решение:

– В чем дело? Я бы на вашем месте не ломал голову зря, а сразу бы объявил себя царем иудейским!

Странно, что этот проект – быть новоявленным Моисеем – пришелся Морицу по душе, и он вознамерился собрать всех евреев в джунглях Латинской Америки, где и будет водружен его престол, украшенный звездами Давида. Нам это кажется смешно, но Мориц почему-то свято уверовал в то, что евреи не откажутся иметь такого бравого царя-маршала, каков он сам!

Последние годы жизни, пренебрегая знатью, Мориц замкнулся в Шамборе, окружив себя лишь писателями, философами, художниками и артистами. Но осенью 1750 года, навестив Версаль, он дал пощечину Людовику Конти, принцу королевской крови.

– Вам это дорого обойдется, – отвечал Конти...

Высокое положение соперника в обществе Франции обязывало их дуэлировать втайне. Об этом поединке почти никто не знал, и молодой Конти ранил Морица, который был вынужден скрывать свою рану даже от врачей. Все должны были думать, что он страдает от водянки, давно изнуравшей его.

– Жизнь – это лишь с о н, – говорил Мориц друзьям. – Мой сон был таким чудесным, почти волшебным. Но – увы! – каким коротким он оказался... И как быстро спешат стрелки часов.

Наконец его часы остановились, и Мориц завещал:

– Так бросьте же меня в любую поганую яму и засыпьте мое грешное тело ядовитой известью... Я хочу раствориться в этом проклятом мире, как растворилась и она!

Этими предсмертными словами Мориц Саксонский невольно доказал, что любил только одну женщину на свете – божественную и глубоко несчастную Андриенну Лекуврер...

Нам от Морица остался могучий дуб, много веков дремлющий в тишине колдовского озера, да его сочинения, изданные посмертно, в которых он рассуждал о нравственности на войне, о гуманных методах боя. Для нас он всегда останется не только искателем приключений, но и военным теоретиком, предвосхитившим тактику революционных армий будущего. Наши историки ставят Морица Саксонского в один ряд с такими полководцами, каковы были Монтекукули, Евгений Савойский, Мальборо, Тюренн, Фридрих Великий, Петр Салтыков и даже... даже Наполеон!

А пьеса Скриба «Андриенна Лекуврер», в которой выведен и граф Мориц Саксонский, в 1919 году последний раз была поставлена на русской сцене. Если бы эту пьесу возобновить в наших театрах, она многое бы нам напомнила...

Солдат Василий Михайлов

В нашей истории бурный и красочный XVIII век, век рыцарства и злодейства, век гордецов и подлецов, как бы окантован двумя мучительными процессами. В начале столетия Россия вышла на побережье Балтики, а весь конец века народ укреплял рубежи государства на берегах Черноморья. Дорога в Бахчисарай далась ценою большой крови, отняв у россиян жизнь нескольких поколений.

Дело это было великое, дело нужное – дело героев, давно позабытых. Сейчас бывшая Таврида стала всесоюзной здравницей, и загорающие в шезлонгах на верандах курортов меньше всего думают о своих пращурах, которые пешком ходили на Крым не ради обретения загара, а едино ради отмщения татарам за беды и насилия.

Иногда очень полезно вспомнить слова Пушкина:

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие!»

Итак, мы во времени Анны Иоанновны...

Весною 1736 года русские легионы под жезлом фельдмаршала Миниха выступили в поход на Крымское ханство.

Солдат воодушевлял бой барабанный, флейты пели им о славе предбудущей:

Крепит отечества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.

А за солдатами шагали люди служивые – лекаря с аптеками, профосы с кнутами, трубачи с гобоями, попы с кадилами, аудиторы с законами, писаря с чернильницами, кузнецы с молотами, цирюльники с ножницами, седельники с шилами, коновалы с резакнами, плотники с топорами, извозчики с вожжами, землекопы с лопатами, каптенармусы с аттестатами...

Сверху обжигало людей нещадное степное солнце.

Боевые литавры гремели не умолкая...

В громадной карете – шлафвагене – ехал сам Миних; на походной жаровне пеклась для него яичница; фельдмаршал в одном исподнем белье сидел на бочке с золотыми червонцами, лениво понтируя со своим приятелем, пастором Мартенсом, и хвастал:

– Через четыре года, дружище, мои славные штандарты будут водружены над сералем султана турецкого... Я сдаю. Квинтич. Пики!

– В банке триста, – отвечал пастор. – Сначала, приятель, не сломай себе шею на взятии Перекопа, побывай в Бахчисарае крымского хана, а потом уж мечтай о Константинополе...

– Basta! – пришлепнул туза Миних. – Твоя карта бита... Не забывай, что мы с тобой не в Европе, а в России... Людские запасы этой страны столь велики, что кровь солдата на Руси дешевле чарки вина. Счастье, что я служу в русской армии, где можно свободно угробить миллион душ, но зато всегда добьешься успеха... Пики!

Дымчатые волны катили по травам 119 пушек, величавые верблюды тащили арбы с ядрами.

На телегах везли рогатины – столь великие, что одну из них с натугою шестеро солдат поднимали (этими рогатинами окружали по ночам бивуаки, дабы не наскочила татарская конница).

Казалось, не будет конца пути, никогда не кончатся эти солончаки и сожженные солнцем ковыли.

Палимы звенящим зноом, шли солдаты великой армии.
Голая степь и безводье царили на крымских подступах.

Покрыты тенью бунчуков¹
И доли и холмы сии!

– Кошку высечь и то прутика не сыщешь, – говорили люди.
Чуткий сон армии стерегли по ночам скифские курганы...
Днем через каре армии прокатывали шлафваген Миниха.
– Вперед! – рычал на солдат фельдмаршал. – Кто остановился, тому смерть. А свободных телег для больных в обозе нету...

Жутко ревел на привалах скот, не поенный уже с неделю.

Выстелив по земле тонкие шеи, умирали плачущие от усталости кони.

Мертвых бросали в степи – на поживу ястребам и воронью.

17 мая 1736 года русское каре с ходу уперлось в Перекоп.

Походный толмач Максим Бобриков всмотрелся в пылищу.

– Перед нами ворота Ор-Капу, – доложил он Миниху.

– Ор-Капу? А что это значит?

– «Капу» – дверь, «Ор» – орда, вот и получается, что сия татарская перекопь есть «дверь в Орду» ханскую...

– Передайте войскам, – наказал Миних, – что за Перекопью их ждет вино и райские кущи. Ад – только здесь! А за этим валом «дверей в Орду» – отдых и прохлада садов ханских, где произрастает фруктаж редкостный, какого в дому у себя никто не пробовал!

Но 185 турецких пушек (против 119 русских) зорко стерегли вход в Крымское ханство; над фасадами крепости реяли на бунчуках янычарских хвосты черных боевых кобыл, и старая мудрая сова, вырубленная из камня, сидела над воротами Ор-Капу, сурово взирая с высоты на пришельцев из далекой прохладной страны...

– Назавтра быть штурме немалой, – говорили ветераны, – а нонеча поспать надо, дабы отдохнули бранные мышцы!

И армия попадала на землю, изможденная до крайности.

Они дошли...

Но до Перекопа русские доходили уже не раз. Дойдут – и возвращаются обратно, крепости взять не в силах. Все степи Причерноморья усеяны русскими костями...

Спите!

Завтра покажет – быть вам в Крыму или не быть?

Еще затемно строили полки, в центр лагеря стаскивали обозы, чтобы они не мешали армии маневрировать.

В строгом молчании уходили ряды воинов, неся над собой частоколы ружей. Священники, проезжая на телегах, торопливо крестили солдат святою водицей – прямо с метелок! Погрязая в песок зыбучий, тяжело выползали мортиры и гаубицы. Рассвет сочился из-за моря, кровав и нерадостен, когда войска вышли на линию боя.

Миних на громадной рыжей кобыле проскакивал меж рядов, возвещая солдатам:

---

¹ Бунчук – войсковой знак, бытовавший у турок, запорожцев, поляков, валахов и у донских казаков. Представляет собой длинную трость, увенчанную сверху шаром, а под шаром привязывается лошадиный хвост. В Турции бунчук присваивался как знак достоинства султанов и полководцев; он был украшен полумесяцем.

– Первого, кто на вал Перекопи ханской взойдет с оружием и цел останется, жалую в офицеры со шпагой и шарфом... Помните, солдаты, об этом и старайтесь быть первыми!

Плох тот солдат, что не жаждет стать офицером. Воины кричали:

– Виват, Россия... виват, благая! Все будем первыми...

Янычары жгли костры на каланчах, ограждавших подступы к Перекопу со стороны степей. А ров на линии перешейка был столь крут и глубокий, что голова кружилась.

И тянулся он, ров этот проклятый, рабами выкопанный, на многие версты – от Азовского до Черного моря.

Пастор Мартене наполнил бокал «венджиной» и протянул его фельдмаршалу, чтобы взбодрить его перед битвой:

– Всевышний пока за тебя, приятель: воды во рву татарском не оказалось, и в этом твое счастье... Выпей венгерского!

Окрестясь, солдаты кидались в ров, как в пропасть. Летели вслед им рогатины и пики, из которых тут же мастерили подобие штурмовых лестниц, и лезли наверх, беспощадно убиваемые прямо в грудь янычарами...

Дикая бойня возникла на приступе каланчей. Топорами рубили солдаты двери, чтобы проникнуть внутрь башен. Врукопашную – на багинетах, на ятаганах! – убивали людей сотнями, тысячами. Каланчи взяли – дело теперь за воротами Ор-Капу, и тогда «двери» Перекопа откроются сами по себе... Пять тысяч тамбовских мужиков, приставших к войскам, уже лопатили землю под собой, готовя проезжую «сакму» для входа в Крым, чтобы протащить через перешеек громоздкие обозы великой армии.

Миних часто спрашивал своего адъютанта:

– Манштейн, хоть один солдат взойшел ли на вал?

– Увы, экселенц. Всех сбросили вниз.

В боевом органе битвы взревели медные трубы пушек.

– Вот же он... герой! – закричал Миних, когда на валу крепости, весь в дыму и пламени, показался первый русский солдат. – Кто бы он ни был, жалую его патентом офицерским!

К шатру Миниха подскакал толмач Максим Бобриков.

– Наши на валу, – возвестил хрипло, кашляя от дыма. – А паша перекопский парламента шлет... милости просят!

Ворота Ор-Капу медленно разверзлись, и в них, паля из мушкетов, хлынуло воинство российское. В шатер, плещущий розовыми шелками, явили героя, взойшедшего на вал первым, и Миних не поверил своим глазам:

– Неужели это ты на вал вскарабкался?

Перед ним стоял... мальчик.

– Солдат Василий Михайлов, – назвался он.

Миних расцеловал его в щеки, грязные и кислые от пороха.

– Сколь же лет тебе, храбрец?

– Четырнадцать. А службу второй годочек.

Миних деловито отцепил от пояса Манштейна офицерскую шпагу и перекинул ее солдату. Свой белый шарф повязал ему на поясе.

– Хвалю! Носи! Ступай! Служи!

В походной канцелярии, когда надо было подпись ставить, Васенька Михайлов, заробев, долго примеривался:

– Перышко-то... чего так худо очинено?

Окунул он палец в чернила, прижал его к бумаге. Выяснилось, что азбуки не знает. И тут мальчик-офицер расплакался:

– Тому не моя вина! По указу ее величества велено меня, сколь ни проживу на свете, грамоте никогда не учить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.